

КНИГА ПЕРВАЯ

Джанет Кумбе
1830—1863

Глава первая

Джанет Кумбе стояла на холме над Плином и смотрела вниз на гавань. Солнце давно взошло, но утренний туман еще окутывал маленький город, придавая ему сказочное очарование, словно некий призрак благословил его своим прикосновением. Влекомая отливом вода покидала гавань и сливалась с невозмутимо гладкой поверхностью моря. Ни единое заплутавшее облако, ни единый порыв случайно налетевшего ветра не нарушали безмятежной красоты молочно-белого неба. Одинокая чайка, распластав широкие крылья, на мгновение застыла в воздухе, затем с неожиданным криком нырнула вниз и утонула в клубящемся над морем тумане. Джанет Кумбе казалось, что этот холм и есть ее истинный мир, маленькая планета, где для нее нет никаких тайн, место, где рассеиваются тревожные мысли и томление сердца, а душа обретает покой и исцеление. Белесый туман скрыл под собой все повседневные заботы и сомнения, а с ними и мелкие обязанности и однообразные дела простого люда. Здесь, на вершине холма, не было ни тумана, ни призрачных теней и лучи утреннего солнца струили ласковое тепло.

Здесь была свобода, которой так не хватало в Плине, свободой дышали само небо и море, как дышат ею веселое кружение осенних листьев и робкое трепетание птичьих крыл. В Плине приходилось все время выполнять чьи-нибудь поручения, с утра до вечера заниматься работой по

ДУХ ЛЮБВИ

дому, помогать здесь, помогать там, ободрять близких приветливым словом, и боже упаси ждать его в ответ. Вскоре ей предстоит стать женщиной — так сказал священник. Возможно, это ее изменит. Ее ждут горести и новые радости, но если в ней живет вера в Бога, Отца нашего Небесного, то в иной жизни она познает мир и узрит небеса. Надо следовать этим праведным словам, пусть дорога к небесам и кажется такой трудной и длинной и многие из ступивших на нее пали в пути и погибли за свои грехи.

Конечно, священник говорил правду, хоть и словом не обмолвился о многих прекрасных вещах, дорогих ее сердцу. Один лишь Бог достоин великой любви. Здесь, на холме, важные овцы холодными ночами, чтобы согреться, спали, прижавшись друг к дружке, и мать оберегала малышей от вороватой лисы, которая таится в тени кустов, — даже высокие деревья тянутся друг к другу ветвями, ища утешения.

Но ни одно из этих существ не знает любви к Богу — так сказал священник.

Возможно, ему неведома истина о каждой птице, звере или цветке, неведомо, что они так же бессмертны, как люди.

Джанет опустила на колени около ручья и коснулась пальцами бледно-желтой примулы, одиноко растущей у самой воды. С ветки над головой Джанет с криком взлетел дрозд, осыпав ее голову белыми лепестками. Пламенеющие в лучах солнца кусты утесника наполняли воздух сладким запахом меда и свежей росы.

Сегодня Джанет Кумбе идет под венец. Ее матушка уже готовит стол к приему гостей, а сестры с благоговейным трепетом раскладывают на кровати подвенечное платье. Скоро зазвонят колокола Лэнокской церкви и они с кузеном Томасом, ее дорогим нареченным, встанут у алтаря и соединят свои жизни пред взором Всевышнего. Томас, с подобающей почтительностью опустив глаза, будет слушать слова священника, но она сама, Джанет это хоро-

шо знала, взглядом последует за солнечным лучом, льющимся в окно церкви, а сердцем умчится к безмолвным холмам.

Обряд венчания покажется ей таким же смутным и нереальным, как окутанный утренним туманом Плин, и она при всем желании не сможет заставить себя слушать священника, поскольку будет в совсем другом месте. Это не отзывается на призыв священника ее душа, грешная и заблудшая, какой она была всегда, с самого детства, с тех пор, когда малютка Джанет сидела на материнских коленях.

Ее благонравные сестры исправно ходили в школу, прилежно учились шить и читать, она же прогуливала занятия, убегая на берег за гаванью. Подолгу стояла на высоких осыпающихся скалах или в развалинах старого Замка и следила за бурными парусами пенливинских люггеров¹, скользящими на далеком горизонте.

«Господи, пожалуйста, сделай меня мальчиком, пока я еще не выросла», — молила крохотная девочка с кудрявыми волосами до плеч. Мать бранила ее и даже наказывала за буйные мальчишеские повадки, но все было напрасно. Ей бы следовало поберечь розги для других целей.

Джанет выросла высокой и стройной, как юноша, у нее были крепкие руки, бесстрашный взгляд и любовь к морю в крови. Но при всем том душой она была девушка, с нежностью относилась к животным и всем слабым, беззащитным существам, придирчиво следила за своей одеждой, никогда не забывала приколоть к корсажу цветок и расчесать черные волосы так, чтобы они не закрывали лоб. По воскресным дням мужчины поджидали ее у ворот отцовского дома с предложениями прогуляться к скалам, они стояли, неуклюже перебирая пальцами, потупив свои глупые, бараньи глаза и едва ворочая языком. Но Джанет лишь смеялась в ответ и озорно скидывала голову.

¹ *Люггер* — небольшое двух- или трехмачтовое судно с так называемыми люггерными парусами. — *Здесь и далее примеч. перев.*

ДУХ ЛЮБВИ

Разумеется, она была не прочь погулять с парнями, когда могла бегать вместе с ними, перепрыгивать через живые изгороди, — ей нравилось, когда те восхищались ее сноровкой; но на виду у всей округи чинно ходить, держась за руки, как парочка влюбленных... Скоро она обвенчается, у нее будет муж, дом, за которым надо присматривать, неудобная длинная юбка вокруг ног и опрятный, респектабельный капор на голове.

Ей нужен мужчина, а не увалень-подросток, от которого слова дельного не дождешься и который не способен ни на что лучшее, как вертеться вокруг тебя в надежде на нежный взгляд и ласковое слово. Так рассуждала Джанет, когда ей минуло восемнадцать лет и когда ее сестры только и думали что о лентах в волосах да поверх псалтыри засматривались в церкви на мужчин.

Джанет с презрением относилась к их уловкам, хоть и сама не с бóльшим вниманием слушала слова священника — ведь мысли ее уносились за море, туда, где корабли плыли под парусами в чужие земли и дальние страны.

Она часто забредала на корабельную верфь у подножия Плинского холма за гаванью. Хозяином верфи был ее дядюшка; она была еще невелика, но быстро развивалась и росла с каждым годом. К тому же дядюшке помогал его трудолюбивый племянник, молодой Томас Кумбе, троюродный брат Джанет.

Кузен Томас был серьезным, основательным молодым человеком, ездил учиться в Плимут, и его спокойные, сдержанные манеры произвели должное впечатление как на дядю, так и на ленивых бездельников, работавших на верфи.

Возможно, недалеко то время, когда фирма займется более сложными и серьезными работами, чем строительство рыбачьих люггеров. Молодой Томас станет партнером владельца, и после смерти дядюшки дело перейдет к нему.

Он был статный мужчина, этот кузен Томас, умел поговорить и, уж если на то пошло, был довольно хорош со-

бой. На ухаживания и прогулки к скалам по воскресеньям у него не было времени, но, несмотря на это, Джанет ему приглянулась, и он нередко подумывал про себя, что из нее выйдет прекрасная жена, достойная спутница жизни для любого мужчины.

И молодой Томас стал по вечерам навещать в их дом поговорить с отцом и матерью Джанет, но мысли его тем временем были заняты ею.

Ему виделись дом на склоне Плинского холма, увитый плющом, с окнами на гавань, и Джанет, которая с малышами на коленях ждет его возвращения с работы.

Он ждал целый год, прежде чем открыться Джанет, ждал, пока она не признает его за члена своей семьи, не почувствует к нему доверия, а также и уважения.

Вскоре после того, как ей исполнилось восемнадцать лет, он сказал ее отцу и матери о своем желании видеть Джанет своей женой. Они были очень довольны, ведь Томас быстро завоевывал положение в Плине, а о таком честном и умеренном в привычках зяте любые родители могли только мечтать.

Однажды вечером он пришел к ним и спросил, нельзя ли поговорить с Джанет наедине.

По лестнице она спустилась бегом, в опрятном платье, сколотом на груди брошкой; ее темные волосы были расчесаны на прямой пробор.

— Ах, кузен Томас, — воскликнула она, — вы сегодня так рано, и ужин еще не готов, да и компанию вам, кроме меня, некому составить!

— Да, Джанет, — спокойно ответил Томас, — и пришел я по одному делу, с вопросом, который хочу задать именно вам.

Джанет вспыхнула и бросила взгляд на окно. Не об этом ли деле несколько дней назад украдкой шепнули ей сестры, а она рассмеялась и велела им замолчать.

— Говорите, кузен Томас, — сказала она, — может быть, мне будет не слишком трудно вам ответить.

ДУХ ЛЮБВИ

Тогда он взял Джанет за руку и подвел ее к стулу перед очагом.

— Целый год я регулярно приходил в ваш дом и наблюдал за вами, прислушивался к вашим словам. То, что я собираюсь вам сказать, родилось не в спешке, не в результате буйного порыва. За тот год, что я вас знаю, я полюбил вас за ваше правдивое сердце, за простоту и сейчас чувствую, что должен высказать все начистоту. Должен сказать, что хочу, чтобы вы стали моей женой, Джанет, хочу, чтобы вы разделили со мной мой дом и мое сердце. Я всю жизнь буду работать ради того, чтобы вы жили в мире и довольстве, Джанет.

Она задумалась, позволив своей руке задержаться в его ладони.

Совсем недавно превратилась она из ребенка в девушку, но ей уже надо стать женщиной, стать навсегда. И уже никогда больше не бегать, подоткнув юбки, по скалам, не бродить среди овец по холмам. Теперь ее ждут заботы о доме, о близком ей мужчине и, возможно, со временем, если на то будет воля Божия, о детях, которые появляются после замужества.

В этой мысли было нечто такое, что тронуло ее душу, подобно воспоминанию о давнем сне или о чем-то забытом: проблеск знания, скрытого от людей в часы бодрствования, но вдруг неожиданно пробуждающегося, словно едва внятный зов, с трудом различимый шепот.

Джанет с улыбкой на губах обернулась к Томасу:

— Я очень горжусь честью, которую вы мне оказали, Томас, ведь я понимаю, что не слишком умна, да и вообще недостойна такого человека, как вы. Но все равно любой девушке страшно приятно собственными ушами слышать, что есть тот, кто будет ее любить и баловать. И если вы хотите взять меня в жены, Томас, если готовы терпеть мои повадки — временами я бываю ужасно буйной, — то я буду счастлива разделить с вами ваш дом и заботиться о вас.

— Джанет, дорогая, сегодня в Плине нет мужчины, у которого было бы больше причин для гордости, чем у меня, и наверняка не будет до того самого дня, когда я в первый раз усажу вас перед нашим общим очагом.

Он встал со стула и прижал ее к себе.

— Раз все решено и мы поженимся, да и с родителями вашими я разговаривал вчера вечером, и они согласны, то, думаю, не будет беды, если я вас поцелую.

Джанет на мгновение задумалась — она еще ни разу не целовалась ни с одним мужчиной, кроме собственного отца.

Она положила обе руки на плечи Томаса и подставила ему свое лицо.

— Даже если это и неприлично, ну и пусть, — сказала она ему некоторое время спустя, — ведь это очень приятно.

Так Джанет обручилась со своим кузеном Томасом Кумбе из Плина, что в графстве Корнуолл¹, в году 1830 от Рождества Христова, и было ему двадцать пять лет, ей же только что исполнилось девятнадцать.

Туман рассеялся, и Плин больше не был обиталищем теней. Из гавани доносились голоса, чайки ныряли в воду, люди стояли в дверях домов.

Все еще оставаясь на вершине холма, Джанет смотрела на море, и ей казалось, что душа ее разрывается надвое: одна ее часть хотела быть женой, хотела заботиться о муже и нежно его любить, другая жаждала слиться с кораблем, слиться с морем и высоким небом, быть радостной и свободной, как чайка.

Джанет обернулась и увидела, что по склону холма к ней поднимается Томас. Она улыбнулась и побежала ему навстречу.

— Наверное, грешно встречаться с мужем утром перед свадьбой, — сказала она. — Мне следовало бы быть дома

¹ *Корнуолл* — полуостров на юго-западе Великобритании, омываемый проливом Ла-Манш и Бристольским заливом.

ДУХ ЛЮБВИ

и собираться в церковь, а не стоять здесь, на холме, и держать тебя за руку.

Томас заключил ее в объятия.

— Нас могут увидеть, но я не в силах удержаться, — прошептал он. — Джени, я так тебя люблю.

В поле бродили овцы, в воздухе витал сладкий аромат утесника.

Когда же зазвонят колокола Лэнокской церкви?

— Как непривычно думать, что мы больше никогда не расстанемся, Томас, — сказала она. — Ни ночью, ни днем. Когда ты станешь работать, а я заниматься домом, мыслями мы все время будем вместе.

Она положила руку ему на плечо.

— Томас, быть мужем и женой — это очень серьезно?

— Да, любимая, но святые узы брака благословил сам Господь, и не нам Ему перечить. Так сказал мне священник. Он много чего объяснил мне, ведь я боялся, что кое-что покажется мне слишком хлопотным и трудным. Но я всегда буду относиться к тебе по-доброму, Джени.

— Наверное, иногда нам будет не хватать терпения, мы станем ворчать друг на друга, и ты пожалеешь, что женился, тебе захочется снова стать холостяком.

— Нет, никогда, никогда!

— Забавно, Томас, что вся наша жизнь пройдет здесь, в Плине. Ни ты, ни я никогда не увидим дальних стран, как некоторые. Наши дети вырастут подле нас, потом женятся, а за ними и их дети. Мы состаримся, и потом обоих нас похоронят на Лэнокском кладбище. Это похоже на то, как цветы летом раскрывают лепестки и птицы с первыми опавшими листьями улетают на юг. А сейчас, Томас, мы стоим здесь, ничего об этом не зная и даже не задумываясь.

— Грешно говорить о смерти и будущей жизни, Джени. Все в руке Божией, и нам не пристало задаваться такими вопросами. Я хочу думать не о детях наших детей, а о нас самих и о том, что сегодня мы поженимся. Я очень люблю тебя, Джени.

Она прижалась к Томасу, и ее взгляд устремился вдаль.

— Через сто лет, Томас, здесь будут стоять двое других, как сейчас стоим мы, и будут они кровь от нашей крови и плоть от нашей плоти.

Джанет дрожала в объятиях Томаса.

— Ты говоришь странные и сумасбродные вещи, Джени. Перестань думать о том времени, когда нас не будет, и подумай о нас самих.

— Я боюсь вовсе не за себя, — прошептала она, — а за тех, кто придет после нас. Может быть, там, далеко-далеко впереди, есть много живых существ, которые будут зависеть от нас. Те, кто будет стоять на вершине Плинского холма под утренним солнцем.

— Если тебе страшно, Джени, отыщи священника и попроси его успокоить твою душу. Он лучше знает, оттого что по ночам читает Библию.

— Томас, нас спасет не Библия, не слова священника, не мои постоянные молитвы Богу, не знание повадок птиц и зверей, не часы, что мы проведем, стоя на залитом солнцем холме и слушая тихий плеск воды, не дивный вид окутанного туманом Плина, хотя все это мне очень дорого.

— Тогда что же нас спасет, Джени?

— Люди знают много слов и произносят их, но я сердцем чувствую, что только одно имеет значение — это наша любовь друг к другу и к тем, кто придет после нас.

Они стали молча спускаться с холма.

В дверях дома, поджидая их, стояла мать Джанет.

— Где вы были? — спросила она. — Так не принято, Томас, неприлично разговаривать с той, кто идет с тобой под венец, до того, как ты встретишь ее в церкви. А ты, Джанет? Мне стыдно, что в утро перед свадьбой ты бегаешь по холму в старом платье. В твоей комнате сестры давно дожидаются, чтобы одеть тебя; скоро придут люди, а ты еще не готова. Уходи, Томас, и ты, Джанет, тоже.

Джанет поднялась в маленькую комнату, в которой жила вместе с двумя сестрами.

ДУХ ЛЮБВИ

— Поторопись, Джанет! — воскликнули они в один голос. — Где это видано, чтобы в такой день девушка попусту теряла время.

Дрожащими от волнения пальцами они разглаживали белое платье, которое лежало на кровати.

— Подумать только, что через два часа тебя обвенчают и ты станешь женщиной, Джени. На твоём месте я бы просто лишилась голоса. Сегодня ночью ты будешь рядом с кузеном Томасом, а не здесь с нами. Тебе не страшно?

Джанет подумала и отрицательно покачала головой:

— Если любишь, то бояться нечего.

Сестры надели на нее подвенечное платье и приколоты к волосам вуаль.

— Ах, Джени, ты настоящая королева. — И они поднесли к ее лицу маленькое треснутое зеркальце.

Из зеркала на нее смотрело совершенно незнакомое лицо. Не прежняя сумасбродная Джанет, готовая целыми днями бродить по морскому берегу, но бледная, спокойная девушка с серьезными темными глазами.

С лестницы послышался голос матери:

— Ты упадешь в обморок, если не поешь. Скорее спускайся.

— Я не хочу есть, — сказала Джанет. — А вы обе ступайте и дайте мне немного побыть одной.

Она подошла к окну, опустила перед ним на колени и стала смотреть на далекий горизонт за гаванью. Станные чувства переполняли ее сердце, но она не могла ни назвать их, ни определить. Она горячо любила Томаса, но знала, что в глубине ее души живет ожидание чего-то большего, чем любовь к нему. Нечто могучее и первозданное, осяянное непреходящей красотой.

Настанет день, и оно придет, но не сегодня, не завтра.

Над холмом поплыл тихий звон колоколов Лэнокской церкви, пронизывая морской воздух; он становился все громче.

— Джени, где ты запропастилась?

Она поднялась на ноги, отошла от окна и стала спускаться к ожидающим внизу гостям.

Глава вторая

Могло показаться, что с замужеством Джанет Кумбе очень изменилась. Она стала спокойнее, задумчивей, отказалась от былой своевольной привычки бегать по холмам. Мать и соседки сразу это заметили и, обсуждая перемены в ее характере, улыбались и пересыпали свои речи поучительными замечаниями: «Что значит быть мужней женой! Конечно, она изменилась, разве это не естественно? Теперь она женщина и хочет лишь того, о чем просит муж. Только так и можно совладать с девушкой вроде Джанет, чтобы она и думать забыла обо всяких там морях, холмах и прочем вздоре. Это молодой Томас нашел способ остудить ей голову».

В чем-то эти слова были не лишены смысла, поскольку замужество и Томас принесли Джанет блаженный мир и довольство, прежде ей неведомые и непонятные. Словно Томас обладал властью смягчить своей любовью и заботой все тревожные мысли и беспокойные чувства.

Но то было всего лишь следствие их близости, которая изменила Джанет только внешне, но никак не повлияла на ее мятущийся дух.

Он заснул и успокоился на время, пока она всем своим существом переживала впервые познанные ею гордость и радость. Она забыла про холмы и гавань, перестала любоваться кораблями в далеком море и целыми днями занималась своим домом. Для их жилища Томас выбрал славное место — тот уютный плющом дом, что стоял особняком вдали от любопытных глаз соседей. Был там и сад, где Томас по вечерам любил отдыхать вместе с Джанет, сидев-

ДУХ ЛЮБВИ

шей рядом с рукодельем. Ушло в прошлое то время, когда она вечно рвала и пачкала платья о просмоленные, грубо оструганные лодки, теперь она заботилась об одежде Томаса, чинила ее, а порой шила занавески для их уютной гостиной.

Про себя она не переставала удивляться тому, что так любит их дом и так им гордится. А ведь сколько раз она дразнила и поднимала на смех сестер: «Ах нет, я не из тех, кто выходит замуж и тратит все свое время на дом. Мне надо было родиться парнем и водить корабли».

Но теперь в Плине вряд ли нашелся бы дом такой же чистенький и ухоженный, как у Джанет, и на недоуменные вопросы сестер она вскидывала голову и язвительно отвечала: «Да, смейтесь, смейтесь, но у меня есть и собственный дом, и муж, который работает ради меня, тогда как у вас нет ничего, кроме льстивых парней, которые по воскресеньям выгуливают вас по тропинке между скалами. Так и вижу, — говорила она, — как вы зеваете от их глупых слов, я же тем временем сижу у своего камина рядом с Томасом».

Послушать ее, так и впрямь никогда не было жилища, равного их Дому под Плющом, с его чисто выметенными комнатами, просторной спальней над крыльцом, комнатой «про запас» и аккуратной кухней. Гордилась она и своей стряпней, поскольку обнаружила, что заниматься ею не менее увлекательно, чем гулять по заросшим вереском холмам. Ее шафрановый кекс не хуже, чем у матери, так заявил Томас, и сердце его билось сильнее от гордости за жену.

— Я даже думаю, Джени, что он гораздо лучше. Таких воздушных кексов, как твои, я точно никогда не пробовал! В них чувствуется легкая рука.

Джанет спрятала улыбку и отвела глаза.

— Ты все время мне льстишь, чтобы подлизаться. — Она сделала вид, будто не верит ему. — И любишь ты мои кексы, а вовсе не меня.

Томас встал из-за стола, взял в руки ее лицо и целовал его до тех пор, пока у Джанет не перехватило дыхание.

— Прекрати, Томас, сейчас же прекрати.

Он вздохнул и убрал руки:

— Я ужасно люблю тебя, Джени.

В темноте, когда Томас спал, она прижималась щекой к его щеке. Она любила мужа за его силу, за нежность, за особенную серьезность, когда он бывал не в духе, за те мгновения, когда он, боясь самого себя, прижимался к ней, как неуклюжий ребенок.

— Ведь мы навсегда вместе, Джени, ты всегда будешь моей? Шепни, что это правда, мне так сладко слышать эти слова.

И она нашептывала их ему на ухо, прекрасно зная, что до самой смерти будет ему любящей, верной женой, но зная и то, что ее ждет любовь еще большая, чем эта. Ей было неизвестно, откуда она появится, но она была здесь, за холмами, и таилась до той поры, когда Джанет будет готова к ней.

Тем временем прошли первые недели, они притерлись друг к другу, Джанет привыкла, что Томас всегда рядом, свыклась с его постоянным желанием их близости.

По утрам она целиком отдавалась заботам по дому и, если у Томаса было много работы, относила обед к нему на верфь и, пока он ел, сидела рядом.

Она любила огромные стволы старых, хорошо высушенных деревьев, ждущих, когда их распилят на доски, любила рассыпанные по земле стружки, запах новых канатов, смолы и грубо сколоченных, еще не обретших форму судов. И она невольно задумывалась о том, что придет время и эти доски превратятся в живых существ; вместе со своим спутником ветром они будут бороздить моря и, возможно, доберутся до самых далеких уголков мира, а она так и останется обычной женщиной из Плина, у которой только и есть что дом да муж. Она старалась прогнать эти мысли, которые могли волновать былую, необузданную

ДУХ ЛЮБВИ

Джанет, но не пристали жене Томаса Кумбе. Она не должна забывать, что теперь на ней ситцевое платье и опрятный передник, а вовсе не драная юбка для ползания по скалам под развалинами старого Замка. Иногда днем она надевала капор и поднималась по Плинскому холму навестить дом своей матери, где ее ждал чай, сервированный в гостиной, и соседки, заглянувшие поболтать и отведать кекса.

Джанет было непривычно, что к ней относятся как к женщине, как к своей, ведь еще совсем недавно ее осуждали и корили за неподобающие девушке манеры. Сколько раз, зажимая рот платком, чтобы не рассмеяться, подглядывала она сквозь замочную скважину в двери гостиной и прислушивалась к болтовне соседок! И вот она одна из них. Сидит точно аршин проглотила, с блюдцем и чашкой в руках, осведомляется о ревматизме миссис Коллинз и в унисон со всеми качает головой, слушая рассказ о возмутительном поступке Олби Треваса, который навлек на девушку неприятности на сеновале Полмирской фермы.

— Похоже, нынче молодые люди не уважают ни себя, ни других, — сказала миссис Роджерс. — Целыми днями бегают невесть куда, смеются, занимаются тем, что и называть-то стыдно. У парней и в мыслях нет, как положено, дождаться свадьбы, да и у девушек тоже. Вам бы на коленях молить Бога, миссис Кумбе, да благодарить Его за то, что у вашей дочери все обошлось благополучно. — И, обернувшись к Джанет: — Ведь твоя беготня, когда ты была девушкой, страх как пугала твою матушку, разве не так?

— Благодарю вас, миссис Роджерс, — сказала мать Джанет, — но моя Джени, слава богу, никогда не позволяла парням лишних вольностей.

— Нет, никогда, — заявила Джанет с подобающим молодой жене негодованием.

— Может, и нет, может, и нет, я же не говорю, что ты позволяла себе что-то такое, дорогая. Теперь ты замужем и можешь выполнять любые желания мужа, не боясь Божь-

его гнева. Говорю тебе, удержать мужа можно только потаякая ему, а забыв об этом, ты вскоре услышишь, что твой Томас ухлестывает за какой-нибудь фермерской девчонкой, совсем как молодой Олби Тревас. И вам это может очень не понравиться, миссис Кумбе.

Джанет презрительно покачала головой.

Что бы они ни говорили про Томаса, можно не сомневаться: во всем Корнуолле не найти мужчины более спокойного и рассудительного.

Она держала рот на замке и не отвечала на излишне откровенные вопросы, которые они ей задавали. Так уж повелось, что жители Плина должны были знать абсолютно все о делах соседей, и часами не прекращавшиеся расспросы доводили до изнеможения очередную жертву.

— Дорогая, если утром ты почувствуешь тошноту и головокружение, немедленно сообщи своей матушке, — посоветовала одна соседка, осматривая Джанет с ног до головы — ни дать ни взять как свиноматку в базарный день.

— А коли ты сразу почувствуешь, что под сердцем у тебя что-то есть, то это наверняка мальчик, — сказала другая.

— Благодарю вас, но я сама могу о себе позаботиться, без чьих-либо советов, — возразила Джанет, которой были отвратительны их навязчивые уловки.

Казалось, даже Томаса беспокоило здоровье жены.

— Сегодня ты что-то слишком бледна, Джени, — как-то раз сказал он, — может быть, ты устала и тебе не по себе. Ведь ты скажешь мне, дорогая, если что не так?

Казалось, ему очень хочется, чтобы она это признала, и вместе с тем он боялся услышать ответ.

— Да, милый, когда придет время, я ничего от тебя не скрою, — устало ответила Джанет.

Последнее время она действительно чувствовала усталость, порой ее тошнило, но она думала, что это пустяки и все скоро пройдет. Однако Томас разбирался в таких делах лучше ее. Он прижимал Джанет к себе и зарывался лицом в ее длинные черные волосы.

ДУХ ЛЮБВИ

— Я был очень горд и доволен, Джени, когда женился на тебе, но у меня и в мыслях не было, что впереди нас ждет еще большее счастье. Я так и вижу, как мы сидим у камина с нашим мальчиком на коленях.

Джанет улыбнулась и взяла его лицо в ладони:

— Я рада, что ты доволен, очень рада.

Вскоре весь Плин облетела весть о том, что Джанет Кумбе «в интересном положении».

Мать Джанет говорила об этом таким тоном, будто все это дело ее рук, а сестры уже выбрали белую шерстяную ткань с мелким рисунком, чтобы сшить из нее одежду для малыша.

Томас напевал за работой на верфи, улыбался, но при этом со свойственной ему серьезностью думал о будущем. Скоро у него будет сын, со временем мальчик станет работать рядом с ним, научится держать в руках пилу и отличать хороший строевой лес от плохого. В том, что у него родится сын, Томас не сомневался.

Джанет не совсем понимала, отчего вокруг такого маленького существа подняли столько шума и суеты, ведь, слушая ее мать и Томаса, можно было решить, что раньше детей и вовсе не существовало.

Сама она не знала, как к этому отнестись. Ведь вполне естественно, что, когда люди женятся, появляются дети, и одевать ребенка, заботиться о нем — такое непривычное и приятное занятие. Радовало ее и то, что Томас очень доволен. Вечерами она часто полулежала перед камином в кресле-качалке — приближалась зима, и ночами становилось холодно, — а Томас сидел рядом и не сводил с нее ласкового взгляда.

В доме царили мир и покой, и оставшиеся за окнами холодный дождь, покрытые мокрым туманом холмы, рев морских волн в гавани не тревожили ее мыслей. На душе у Джанет было легко и безмятежно; несмотря на жуткие рассказы, которыми соседки терзали ей уши, родовых болей она не боялась. И не было в Плине дома более счастливого, чем дом ее и Томаса.

Иногда по вечерам он читал ей Библию низким, серьезным голосом, предварительно проговаривая про себя по буквам наиболее трудные слова.

— Забавно думать обо всех этих людях, которые породили друг друга, а затем выстроились в цепочку через целые века, — задумчиво говорила она, раскачиваясь в кресле-качалке. — Огромная ответственность лежит на тех, кто имеет детей. Ведь сказано же в Библии: «Навеки умножу семья твое». Томас, как из нашей любви родятся люди, которым не будет числа?

— Дорогая, перестань тревожиться понапрасну. Ты все время думаешь о том, что будет через сто лет, все это сущий вздор. Подумай лучше о младенце, который у нас скоро появится. По-моему, этого вполне хватит для твоей головки.

— Не знаю, Томас. Пути любви и смерти неисповедимы. Люди умирают, ну и тому подобное.

— Но, Джени, пастор говорит, что истинно верующие идут прямо к Богу и Его ангелам.

— А что, если они оставляют тех, кого любят, оставляют слабых и беззащитных, тех, у кого нет сил самим справляться с тяготами этого мира?

— Бог о них позаботится, Джени.

— Но, Томас, нельзя жить в блаженном покое на небесах, если горюешь по своим любимым, которые остались внизу. Подумай о тех, кто будет звать нас и молить о помощи.

— Тебе не следует думать о таких ужасных вещах, дорогая. Библия говорит правду. Счастье на небесах недоступно нашему пониманию. Люди вкушают там неземной покой и не задумываются о грешном мире.

Вокруг дома бушевал ветер, он вздыхал и стучался в окна, мрачно выл, как не находящее покоя привидение. Затем ветер смешался с дождем, и ночной воздух наполнился горестными рыданиями. Внизу под скалой морские волны с грохотом разбивались об огромные камни. Деревья гнулись под ветром, и с их ветвей осыпались последние мокрые листья.

ДУХ ЛЮБВИ

Томас плотнее задернул портьеры и подвинул кресло-качалку поближе к камину.

— Согрейся, любовь моя, и не обращай внимания ни на ветер, ни на дождь.

Джанет закутала плечи шалью и стала следить за танцующим в камине огнем.

— Я не останусь на небесах и не упокоюсь здесь, в могиле. Мой дух будет витать рядом с теми, кого я люблю, и когда им будет трудно, когда они вдруг устроятся самих себя, я приду к ним; и сам Господь меня не остановит.

Томас, вздохнув, закрыл Библию и поставил ее на полку в углу комнаты.

Не стоит корить Джанет за ее слова, ведь женщинам часто приходят в голову странные мысли вроде этой.

Он поднял маленький носочек, упавший на пол.

— Да он совсем крошечный, Джени, — сказал он с беспокойством в голосе. — Неужели у нашего малыша будет такая маленькая ножка?

Глава третья

Медленно тянулись эти долгие зимние месяцы. Рождество пришло и миновало, и вот в воздухе уже чувствуется первое дыхание весны. Белые утренние морозы теряют силу, деревья поднимают к небу ветви и распускают набухшие круглые почки.

На полях резвятся белые ягнята, а в укрытых от ветра низинах ранние первоцветы тянут к солнцу свои головки.

В Доме под Плющом царит радостная, таинственная атмосфера, ведь сроки Джанет Кумбе подходят.

Ее мать суетилась по дому, помогала готовить и прибираться, чтобы избавить дочь от лишней работы. Томас стал резок, нетерпелив с работниками верфи, порой доставалось от него даже его миролюбивому, добродушному дядюшке.

Но его все прощали, понимая, что молодой человек переживает трудное время.

Сама Джанет наблюдала за суетой и суматохой в доме с улыбкой, и в ее глазах часто играли смешинки.

Больной она себя вовсе не чувствовала и считала вполне естественным, что ее ребенок должен появиться на свет с приходом весны.

Сколько раз приносила она новорожденных ягнят с полей на Полмирскую ферму; сколько раз видела терпеливые глаза коров, которые вылизывали своих немного испуганных, дрожащих на неокрепших ногах отпрысков.

Ей казалось, что нет ничего более простого и обыденного, чем рождение молодого существа, будь то младенец в крестьянском доме или ягненок в холмах. Ягнята блеют, прося еды и ласки, и тянутся к овце, которая дает им то и другое, женщина прижимает своего младенца к груди. Все эти кивки, перешептывания, перевязывания лентами колыбели в спальне и многозначительные улыбки матери в ответ на вопросы не в меру любопытных соседок были непонятны ей, равно как и бесконечные просьбы Томаса почаще лежать и не слишком утомляться.

— Господи, как бы мне хотелось, чтобы вы ушли, занялись своими делами и оставили меня в покое. Я не боюсь болей, не боюсь родовых схваток, и, будь на то моя воля, я с радостью оставила бы вас заниматься всеми этими лентами, колыбелями, бульонами, а сама убежала бы на свои холмы и родила бы там моего малыша среди овец и коров, которые меня понимают.

— Боже милостивый, если так, то твое место явно в кровати. А ну-ка ложись, да немедленно! — воскликнула мать и без лишнего разговора потащила Джанет наверх.

Через два дня, пятого марта, родился сын Джанет Сэмюэль.

— Это были красивые роды, — объявила соседкам старая миссис Кумбе. — Проще и лучше, чем мы с доктором могли ожидать. Храбрая девочка отлично с ними справи-

ДУХ ЛЮБВИ

лась и сейчас чувствует себя превосходно. А что до мальчика, то он просто картинка и вылитый отец.

В честь радостного события на верфи были вывешены флаги, а работникам поставили хорошую выпивку.

Джанет лежала, рассыпав по подушке черные волосы и не сводя глаз с малыша.

Он был совершенный кроха, с лысым черепом и водянистыми глазами. При всем старании Джанет никак не удавалось найти в нем ни капли сходства с Томасом. Она очень надеялась запомнить наконец, что ребенка надо называть «он», а не «оно».

Однако ей было приятно чувствовать рядом с собой это маленькое теплое тельце и сознавать, что именно она дала ему жизнь.

Смотреть на Томаса было одно удовольствие. Стараясь не шуметь в своих тяжелых скрипучих сапогах, он на цыпочках вошел в комнату; лицо его покраснело, а голубые глаза едва не вылезали из орбит.

— Джени, ты не очень плохо себя чувствуешь? — спросил он хриплым шепотом.

Ей пришлось покачать головой и, дабы не обидеть его, спрятать улыбку. Затем она слегка отогнула край одеяла и показала мужу малыша, спавшего у нее на руке. Рот Томаса широко раскрылся, и он застыл, не сводя взгляда с сына. При виде онемевшего от удивления, раскачивающегося на своих длинных ногах из стороны в сторону Томаса Джанет не смогла удержаться от смеха.

— Похоже, ты никогда раньше не видел младенцев, — сказала она. — Потрогай его, он ведь живой.

Томас осторожно потрогал пальцем щечку сына.

Младенец открыл глаза и моргнул.

— Видели?! — радостно воскликнул Томас. — Он меня уже узнает.

— Вздор, — объявила старая миссис Кумбе. — Где это слыхано? Бедная кроха еще даже не видит.

И она вытолкала Томаса из комнаты, опасаясь, что его глупые выходки могут утомить дочь.

Вскоре Джанет окончательно оправилась после родов, встала с постели и вернулась к домашним делам.

Сэмюэль был славным ребенком и почти не доставлял хлопот родителям: не капризничал, не плакал без повода, а вел себя как и пристало нормальному, здоровому малышу. Томас не мог на него наглядеться, с нетерпением ждал конца рабочего дня и испытывал ни с чем не сравнимые гордость и радость, когда во время воскресных походов к бабушке на вершину холма ему разрешалось нести сына на руках.

Джанет устало брела рядом с ним, довольная тем, что хоть ненадолго может избавиться от этой ноши. Томас шел спокойной, чинной походкой, высоко подняв голову, и то и дело останавливался, чтобы показать сына соседям.

— Он и впрямь выдался в вас, мистер Томас, — говорили они. — Те же глаза и того же чудного цвета.

— Вы действительно так думаете? — улыбался Томас. — Слышишь, Джени? Вот и миссис Роджерс говорит, что малыш весь в меня.

— Конечно в тебя, — вздыхала Джанет; она ежедневно со всех сторон слышала одно то же и не находила ничего удивительного в том, что ребенок похож на отца.

В доме ее матери малыш переходил с рук на руки, соседки не могли на него наглядеться, тетки наперебой целовали, бабушка качала на коленях, а Томас тем временем следил за ним беспокойным, ревнивым взором и то и дело повторял: «Осторожно, осторожно! Вы его уроните».

Джанет сидела у очага в стороне от остальной компании и рассеянно слушала нелепый тарабарский язык, который, по мнению взрослых, дети только и понимают.

Ей была непонятна вся эта умиленная возня и сюсюканье, ведь она прекрасно знала, что мальчику лучше всего лежать одному в колыбели или нагишом на простыне после купания вволю сучить ножками. Странно, что людям не хватает здравого смысла, чтобы это понять. Не понимает этого и Томас.

Содержание

КНИГА ПЕРВАЯ. Джанет Кумбе. 1830–1863	5
КНИГА ВТОРАЯ. Джозеф Кумбе. 1863–1900	115
КНИГА ТРЕТЬЯ. Кристофер Кумбе. 1888–1912	229
КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. Дженифер Кумбе. 1912–1930	299
От переводчика	413

Дюморье Д.

Д 96 Дух любви : роман / Дафна Дюморье ; пер. с англ. Н. Тихонова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 416 с. — (Азбука Premium).

ISBN 978-5-389-10707-6

«Дух любви» (1931) — первый роман замечательной английской писательницы Дафны Дюморье (1907–1989). Его сюжет разворачивается на фоне захватывающих пейзажей Корнуолла, ставшего для Дюморье второй родиной, а также местом действия и других ее знаменитых романов: «Трактир „Ямайка“», «Ребекка», «Королевский генерал», «Моя кузина Рейчел»... «Дух любви» — это семейная сага о четырех поколениях корнуоллской семьи Кумбе, владеющей корабельной верфью. История этой семьи, полная печалей и радостей, взаимной любви и ненависти, охватывает сто лет, с тридцатых годов XIX века до тридцатых годов XX века. Впоследствии Дюморье признавалась, что верит в духовную связь поколений, и именно об этом ее первый роман — о странной связи, неподвластной времени и смерти, соединяющей родственные души, которые несут бремя беспокойства и страдания, томления по красоте и свободе, но обретают покой лишь друг в друге.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ДАФНА ДЮМОРЬЕ
ДУХ ЛЮБВИ

Ответственный редактор Оксана Сабурова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Екатерины Киселевой
Корректоры Наталья Бобкова, Елена Терскова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 19.09.2017. Формат издания 84 × 108^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 2500 экз. Усл. печ. л. 21,84. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

A-AUM-18737-01-R